

Олег Мазурин

УБИТЬ ОТСТУПНИКА

Олег Мазурин

Убить отступника

«Грифон»

2012

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Мазурин О. В.

Убить отступника / О. В. Мазурин — «Грифон», 2012

В декабре 1825 года в Санкт–Петербурге, столице Российской империи, произошло восстание заговорщиков, которых позже назовут декабристами. Мятеж был подавлен, но, как известно, «декабристы разбудили Герцена», а тот «развернул революционную агитацию», что имело весьма существенные последствия – как для нашей страны, так и для всего мира в целом... Достаточно сказать, что эстафету Герцена через некоторое время подхватили такие серьезные и ответственные товарищи, как Ленин и Сталин. Но кто разбудил самих декабристов, и почему они так рвались всех осчастливить – даже ценой жизни? Что они могли принести России на самом деле? Какие мотивы ими двигали, что это были за люди? Жертвы или заложники обстоятельств? Необычный взгляд на проблему декабристов предлагает Олег Мазурин в альтернативно – историческом романе. Текст в известной мере провокативен, но читается на одном дыхании... Такими декабристов мы еще не знали. Об этом мы еще не слышали.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Мазурин О. В., 2012
© Грифон, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Мазурин

Убить Отступника

© Грифон, 2012

© Мазурин О., 2012

© Тихомирова К., оформление, 2012

* * *

*Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?
Оттого, что цари похитили у них свободу.
Что делать христолюбивому российскому воинству?
Ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру
и свободу в России.*

*А кто отстанет, тот, яко Иуда, предатель, будет анафеме
проклят. Аминь!*

С. Муравьев-Апостол «Православный катехизис»

Пролог

ОН видел все как бы со стороны...

Полупустой зал, паркетный пол. На полу – недвижимые тела его товарищей, накрытые белым холстом. А вот и его тело... Боже праведный, как же он плохо выглядит! Посиневшее лицо, вывалившийся язык, выпученные глаза. Смерть точно не красит человека. Тем более если она насильственная. Смерть подобного рода всегда запечатлевает на лице убиенного страшные гримасы.

ОН умер. Это очевидно.

*Но... если ОН умер, то почему ОН так ярко видит эту картину? Почему ЕГО сознание свободно и легко парит под потолком? Почему ОН мыслит? Тела нет, а он мыслит. ОН существует? *Cogito ergo sum*. Но что это за состояние?.. Душа отделилась от тела? Это его душа видит?..*

Что же с НИМ происходит?..

Светлой прохладной ночью 14 июля 1826 года к зданию Училища торгового мореплавания подъехала большая телега, на которой стоял огромный, высотой в два аршина и длиной в три, свежевystруганный сосновый ящик.

Извозчик крикнул привычное «тпру» и сильнее натянул вожжи – лошадь послушно встала у солдатского пикета.

– Стой, кто идет! – крикнул кто-то из служивых.

– Свой! – отозвался возничий.

– Кто свой?!

– Свой, здешние!

– Кому и дьявол свой! Далее нету хода! Слазь!

Извозчик ухмыльнулся.

– Вона как меня ласково здесь привечают.

– А ты что думал, – парировал солдат. – Мы свою службу крепко знаем. Посторонних мы здесь не потерпим. Можем и пальнуть для остратки...

– Ишь ты...

– А то! Кто таков?! Отвечай взаправду!..

Караул подступил к извозчику плотнее. Угрожающе блеснули стальные штыки...

– А ну, погодь, братец... – из сумерек вынырнул старший караула – сержант, который и признал в возничем торговца из мясной лавки.

Вчера утром именно этот торговец по негласной договоренности с полицмейстером Дершау привозил к училищу тела пятерых казненных декабристов. А сегодня ночью мяснику предстояло забрать их обратно. Забрать и отвезти в условленное место. За это торговцу полицмейстер обещал заплатить хорошие деньги. А еще Дершау строго-настрого наказал торговцу держать язык за зубами и не распространяться о том, куда он путь держит и что за груз он везет. Не дай бог сболтнет кому-нибудь об этом – сразу в каземат бросят, а потом и в Сибирь сошлют на рудники. Ни за грош пропадет человек! Ведь казненные в Петропавловской крепости преступники – птицы высокого полета, а их похороны – тайна государственной важности. И никто не должен знать об этом, никто.

– А, это ты, Никодим! – поздоровался с возницей сержант, и солдаты тут же отвели штыки.

Торгаш ощерился.

– А кто ж еще? Конечно я. Окромя меня в такой час никто сюда и не пожалует.

– Так оно-то так, да на всякий случай поспросить-то надобно. Служба есть служба... Значит, стало быть, за грешными душами прибыл?

– За ними самими, за ними. Как договорено.

– Тут в нашем воеводстве полный порядок. Лежат господа офицеры. Друг подле друга. Смирненько так лежат, тихо. Не балуют и не озоруют, упокой их душу, Господи.

Сержант перекрестился.

– Не озоруют, говоришь, – снова ощерился торгаш. – Так, дык, отозоровались они уже. Ишь какую смуту затеяли. И жизнью поплатились за то. Помогите-ка лучше, служивые, погрузить жмуриков. Сам-то я в одиночку не справлюсь с эдаким делом.

– Это можно. Щас, только подмогу позову... Эй, солдатушки, браво-ребятушки, а ну-ка живо ко мне!

Рядом с сержантом мгновенно, словно из сказки, возникли двое рядовых. Двое из ларца, красные с лица. Мужики дюжие, гренадеры! Встали в струнку: мол, что надо, старый хозяин?

– А ну-ка, молодцы-удальцы, давайте-ка выносите покойников по одному! Во-он к той телеге, – приказал им сержант.

– Слушаюсь, – ответили двое из ларца и, перекинув ружейные ремни через шею, понесли тела к телеге.

В это время извозчик, взяв топор, принялся выдергивать гвозди из досок. Вскоре он снял крышку.

Вынесли первого казненного.

Сержант с мясником, стоя на возу, приняли покойника за руки и за ноги и небрежно, словно куль с картофелем, забросили в ящик. Мертвое тело с грохотом стукнулось об дно.

– Один на месте, язви его! – крикнул сержант. – Давайте, братцы, другого!

Солдаты снова метнулись в здание. Вынесли второго покойника, третьего, четвертого... Вскоре тела всех пятерых казненных заговорщиков перекочевали из просторного и торжественного зала в тесный и жуткий гроб. Почти сутки Училище торгового мореплавания служило мертвецкой для государевых преступников.

...И вот доски снова заколочены. Гроб закрыт. Теперь путь наемного возницы лежал к Васильевскому острову. Служивые угрюмо отступили назад, а сержант махнул рукой вслед извозчику: мол, езжай, торгаш! И прощай! Прощайте и вы, благородных кровей покойнички! Лежали вы в училище, как последние бродяги, безымянные, не отпетые, не оплаканные. Может, хоть похоронят вас по-человечески. Дай бог снизойдет государь император до такой милости. Не зверь же он, в конце концов.

...Когда импровизированный катафалк доехал до Тучкова моста, из будки вышли вооруженные солдаты и полицейские-офицеры. Поодаль в зашторенной карете сидели полицмейстер, полковник Карл Федорович Дершау, военный министр, граф Петр Каземирович Дубов и его адъютант, пехотный капитан Павел Макаров. Именно этим людям высочайшим повелением было поручено организовать и провести тайное захоронение декабристов. Экипаж с важными лицами охранял конный отряд из казаков и жандармов.

Один из полицейских, помощник квартального надзирателя Богданов, смело схватил лошадь под уздцы и крикнул извозчику:

– Тпру! Стой! Это я, Богданов. Узнаешь, Никодим?

– Как не узнать вас, ваше благородие. Узнаю.

– Все ли благополучно, любезный? Все пятеро здесь? – кивнул на ящик офицер.

Мясник утвердительно затряс головой.

– Ага, тучочки, ваше благородие, вся пятерка. Лежат смирно, не шелохнутся.

– Тогда вот что, братец, слазь! Вместо тебя поедет другой. Телегу и лошадь вернем. Как только управимся. А покамест посиди здесь в будке, подожди немного. Эй, Дубинкин, залазь на

телегу, бери вожжи... Повезешь этих... – Богданов запнулся, не зная, как обозвать казненных. Подумал, подумал и добавил: – Мятежников. Понял, братец?

– Как скажете, ваше благородие.

Мясник без излишних возражений слез с воза, и его отвели в будку. На место возницы сел другой квартальный надзиратель, Дубинкин, унтер-офицер с пышными усами.

Молчаливая траурная процессия двинулась в сторону острова Голодай. Впереди четверо конных жандармов. За ними – та самая телега с жутким грузом. За ней – тарантас с тремя солдатами инженерной команды Петербургской крепости, двумя палачами и одним лекарем. За телегами – возок с четырьмя надзирателями. Замыкала процессию карета Дубова и трое всадников-казаков.

– Поделом этим мерзавцам, – продолжил прерванный разговор граф. – Вот что удумали, подлецы, посягнуть на государственные устои, на самого государя императора, помазанника Божьего. Ах, злодеи. Да я бы на месте его величества четвертовал бы всех главных смутьянов, причем прилюдно, а остальных отправил бы на виселицу или шпицрутенами засек до смерти, а наш монарх, откровенно говоря, проявил неслыханное великодушие. Не стал казнить, а лишь выслал в Сибирь. Весьма мягко поступил. Весьма. Уверяю вас, сударь, сии якобинцы его величество вряд ли бы пощадили, попади он им в руки тогда.

– Вы правы, ваше сиятельство, – как-то неохотно согласился с министром Дершау. – А объяснить великодушие нашего императора к мятежникам мне отнюдь не трудно. Не секрет, что многие из бунтовщиков в прошлом боевые офицеры, которые храбро сражались как с французами, так и с турками. И на этих войнах они отличились, причем с самой наилучшей стороны. И за свои подвиги герои получили награды, чины, именное оружие, продвижение по службе. Вот почему монарх был так добр с ними, Петр Каземирович...

Голубые глаза министра засверкали яростной злобой.

– Сие... бред сивой кобылы, милейший Дершау! Простите, коли я невежлив! Я тоже воевал, имею награды, ранения. И что из сего полагается, сударь? Я же не бунтую, не веду крамольных речей, не призываю к свержению существующего строя. А они бунтуют! А им никто не давал права затевать революцию. Никто! Коли ты истинный патриот, то должен быть верен отчизне всегда, при любых обстоятельствах, даже самых затруднительных. Коль ты защищал Россию-матушку, то тем более не вправе губить ее. А они, несомненно, учинили бы сие злодеяние, утопив страну в море крови и людских страданий. Ах, злодеи! Ах, бандиты!

– Так точно, ваше сиятельство, потопили бы все в крови, – скрепя сердце, согласился Дершау.

Полицмейстер не стал больше спорить с министром: что толку препираться с начальником, ведь, как известно, вышестоящий чин всегда прав. Дершау было жалко казненных бунтовщиков. Некоторых он даже хорошо знал. Это были яркие, неординарные личности, превосходные вояки, настоящие офицеры. Да, безусловно, они виноваты перед молодым императором, но они не были злодеями, по крайней мере, не такими, как их рисует общественное мнение. Их вина от заблуждения ума, а не от испорченного сердца. А эти пятеро, что теперь по-скотски свалены в ящик, погибли во цвете лет. Самому младшему из них, Бестужеву-Рюмину, было всего лишь двадцать пять, а самому старшему – Пестелю – тридцать три года. Им бы еще жить и жить.

«Господи, отпусти им грехи! Ибо не ведали, заблудшие души, что творили!»

Дершау незаметно перекрестился, а Петр Каземирович все никак не унимался:

– Возомнили себя якобинцами, благородными революционерами, тоже мне Робеспьеры и Мараты! Бунтовщики, они и есть бунтовщики. Разбойники с большой дороги! Злодеи, мерзавцы, негодяи! Казнить их мало! На месте нашего монарха я бы выкорчевал сию пакость с корнями – и все тут! Чище бы стало в армии, пристойнее, да и в обществе тоже! Поутихли бы позеры-революционеры и их восторженные и экзальтированные последователи.

– Как вы правы, ваше сиятельство, – поддакнул адъютант Макаров и преданно посмотрел на шефа.

Дершау на этот раз промолчал.

...Телега дернулась. Дубинкин оглянулся на мертвецов. Ему показалось, что один из них открыл глаза. Озноб страха пробил полицейского. Он отвернулся и перекрестился.

Свят, свят, свят! Чур, не меня!

Только не оглядываться назад!.. Только не оглядываться. Скорее бы придать покойников земле, и тогда успокоятся их души. Унтеру по-человечески было жалко господ. Ведь за народ они шли, за правду-матушку. За это и пострадали, горемычные! При казни унтер стоял возле одного из них. Кажется, его звали Петр... Точно, Петр. Петр Каховский. Единственный, кто перед казнью сильно оробел. Вцепился в батюшку, да так крепко – насилу оттащили к эшафоту. Помощник надзирателя Карелин стоял около Пестеля, старший караула – квартальный Богданов – подле Бестужева, помощник Попов – возле Муравьева. Перед тем как им накинули мешки на голову, взглянули господа мятежники в последний раз на небо, да так жалостливо, что у всех надзирателей все внутренности перевернулись, аж мороз продрал по коже! Подопечному Дубинкина явно не подфартило. Во время казни веревка Каховского оборвалась, но его снова повесили. Как и двух других. А по русскому обычаю, если преступник сорвался с виселицы – значит, по всевышней воле не виновен и подлежит помилованию. А его повторно казнили. Не по-божески царь поступил, не по-божески, раз повесил его снова.

Свят, свят!..

Дубинкин снова перекрестился.

Только не надо оглядываться назад. Не должны его мертвецы тронуть. Никак не должны. Он же им не сделал зла. О, Боже Иисусе, сохрани и помилуй бедного надзирателя!

Свят, свят, свят!..

ОН продолжал созерцать себя со стороны...

ОН видел все в мельчайших подробностях. Свое недвижимое тело в синяках и кровоподтеках, застывшую гримасу смерти на лице, веревочный след на шее, окоченелые руки.

Боль не ощущалась, присутствовала лишь легкая эйфория. Боль была тогда, когда веревка захлестнула горло. Сильнейшая боль. Потом резко отпустило – и сразу кромешная темнота, затем черная труба. И ОН летит по ней вверх. Там виден свет. Свет все ближе и ближе. И вот он заполнил все пространство. Стало невероятно блаженно и хорошо. Душа ЕГО воспарила над землей легче облака. Сознание стало ясным и свежим. И это состояние все никак не проходило. ОН продолжал все ясно видеть вокруг...

Вот он, вернее его бездушиное тело, а вот и его товарищи в импровизированном гробе. Смерть их примирила. Разногласия остались за роковой чертой. Неужели это и есть та загробная жизнь, о которой в миру все рассуждают и спорят? Выходит, за Харона – усатый унтер, а в качестве лодки – телега? Интересно, куда их везут? В царство мертвых – Аид? Или в рай?.. Как забавно, господа!

Процессия остановилась. Из кареты вылезли согласно ранжиру адъютант, полицмейстер и министр.

Дубов осмотрел пустынный остров и на минуту задумался... Озабоченно погладил свою вспотевшую лысину, почесал двойной подбородок, пощипал пышные светло-русые бакенбарды, поморщил лоб, нахмурился, еще раз кинул взгляд на безлюдное пространство и указал место для захоронения. Солдаты с палачами дружно взялись за лопаты и стали копать яму. Полицейские с казаками с помощью веревок спустили гроб с телеги на землю. Снова оторвали доски. Трупы закидали негашеной известью, гроб закрыли крышкой и забили гвоздями. Когда яма была готова, ящик на тех же веревках спустили в могилу. Всех пятерых спустили, а именно:

отставного подпоручика 12-ой конной роты 1 резервной артиллерийской бригады Кондратия Рылеева, отставного поручика Астраханского кирасирского полка Петра Каховского, подполковника Черниговского пехотного полка Сергея Муравьева-Апостола, полковника Вятского пехотного полка Павла Пестеля и подпоручика Полтавского пехотного полка Михаила Бестужева-Рюмина. В мундирных сюртуках, в белых рубашках.

– Закапывайте! – дал команду граф. – Поторапливайтесь, каналы! Скоро утро!

Дубов вытер лысину платком.

Уф! Ну и удружил ему император службу – врагу не пожелаешь! Заведовать похоронным обрядом – еще не доводилось ему в своей долгой и насыщенной жизни. Хлопотно это все, суетливо, неприятно.

Уф, жарко!.. Скорей бы домой да на мягкую постельку с белоснежными шелковыми простынями.

– Шевелитесь быстрее, служивые!

Солдаты засуетились. Лопаты послушно вонзились в грунт. Комья свежевскопанной земли впережку с песком полетели в яму. Постепенно черно-буро-серая масса заполняла последний приют декабристов. Вскоре под толстым слоем земли скрылся ящик... Ускоренный обряд погребения завершился. Могила готова. Правда, ни креста на ней, ни памятника, ни дощечки, даже ни камня могильного. Словно бездомных собак похоронили, а не офицеров русской армии. Отныне эта могила будет считаться безымянным захоронением. Тайной за семью печатями. Секретом государственной важности. Так повелело его величество. И так будет исполнено.

– Выставить караул, хорунжий! – распорядился граф. – Никого сюда не подпускать.

– Есть, ваше сиятельство, – подчинился хорунжий, и четверка казаков осталась у могилы в похоронном карауле.

Как интересно! ОН существует отдельно от тела. Тело погребено, а сознание существует. И куда же его Боженька определит? В рай? А может, в ад? Да, право, какая разница, милостивый государь! А Дубов? Вот порядочная сволочь! Сам сочувствовал нашим идеям, а теперь за государя императора, за этого тирана проклятого, глотку рвет, нас поносит. Какая же он первостепеннейшая сука! Мразь!

...Внезапно в воздухе появился светящийся шар. Он вращался и пускал в разные стороны серебристые лучики. Лошади испуганно шарахнулись, некоторые встали на дыбы и заржали. Все открыли рот от изумления и стали усердно креститься.

Знамение?!

Чудо?!

Шаровая молния?!

Сатана?! Что это?!

Кто-то бросил лопату и упал на землю, прикрывая голову руками. Кто-то встал на колени и молился. Дершау открыл в ужасе рот, глаза его широко округлились. Раздался сдавленный крик. Хотел осенить себя крестным знамением, но рука застыла в воздухе. Дубов схватился за сердце и повалился на землю. К министру кинулся поручик. Он первым очнулся от ступора.

– Немедленно, сию минуту лекаря сюда! – крикнул Макаров. – Ну, живо! Что стоите, ротозей?! У его сиятельства удар! Спасайте его! Что же вы?! Лекарь! Где же он? Ну! Не стойте истуканами, живее!..

А Дубов уже закатывал глаза: он умирал от сердечного приступа. Все кинулись искать врача. Еле отыскали. Бедняга лекарь забился под телегу и трясся от страха: так его напугала шаровая молния. Врача взяли под белы ручки и подвели к графу.

– Ну, давай, давай же! Что ты медлишь, братец, спасай его сиятельство! – прикрикнул на врача Макаров.

Эскулап упал на колени, расстегнул верхние пуговицы министерского мундира...

– Сейчас, сейчас, господин офицер, я уже осматриваю больного...

Снова уставившись на шар, побледневший эскулап машинально нащупал пульс у его сиятельства. Пульс еле бился. Сердце министра все слабее и слабее качало кровь, хлипкие его толчки постепенно затихали. Человеческий двигатель ломался на глазах, душа постепенно покидала тело. А шар все выше и выше поднимался в небо. Наконец остановившись в одной точке, он на секунду ярко блеснул и мгновенно исчез, словно его и не было.

– Все кончено, господа! – громко сказал врач и встал с колен. – К глубочайшему сожалению, его сиятельство, Петр Каземирович Дубов, скончался.

Все охнули. Теперь внимание всех присутствующих устремилось на неподвижно лежащего министра. Кто-то снял головной убор и скорбно склонил голову, кто-то уронил слезу, кто-то перекрестился.

– Какое несчастье! – воскликнул Дершау. – Как же так? О боже!

– Не может быть! – чуть не заплакал Макаров.

Адъютант никак не хотел верить в скоропостижную смерть его сиятельства. Он до последнего надеялся, что шеф все-таки оживет. И чудо свершилось! Когда шефа переносили в карету, сердце министра неожиданно затрепыхалось. Дубов открыл глаза и застонал. Значит, приступ не до конца сразил генерала. Его сиятельство переборол смерть!

Все вновь были потрясены, но теперь уже этим происшествием, и даже на какой-то миг забыли о зловещем шаре...

Дубова в сопровождении жандармов, казаков и лекарей срочно повезли домой. Вскоре карета министра, не сбавляя скорости, миновала будку на Тучковом мосту. Приблизительно через полчаса мимо поста проследовал тарантас с солдатами, а еще через десять минут к будке прибыли две телеги: одна пустая – с унтер-офицером Дубинкиным, другая – с его сослуживцами. Богданов по поручению Дершау заплатил мяснику деньги и разрешил забрать свою повозку. Торговец удивленно взглянул на унтера: вояка заметно поседел.

– Вот беда! Беда-то какая! Страху видимо натерпелись, господин офицер? – взволновано заговорил торгош. – Аж поседели как лунь. Мертвецы всегда жуткое зрелище. Вот беда...

Подавленный унтер молча кивнул, потрогал свои волосы. Движения его были замедленными, механическими. Человек явно пребывал в шоковом состоянии. Даже стал немного заикаться.

– Пос-се-дел... гов-в-воришь?..

– Да, засеребрился весь... Хорошо, что меня туда не отправили, насмотрелся бы всякой жути, опосля ночами не спал, кошмары бы мучили. Все мы там будем. Нам ли, людям смертным, переживать об этом. Все равно никто живой из этой жизни не вышел. То-то. Но-о!.. – философски изрек торговец и подстегнул лошадь.

Колеса натужно заскрипели, и телега, покачиваясь и громыхая, покатила прочь от сторожевой будки. Мясник был несказанно рад, что так удачно от всего этого отделался: во-первых, не участвовал в жутком спектакле под названием «погребение заговорщиков», а во-вторых, еще и деньги получил.

– Прощайте, люди добрые! Не поминайте лихом! – крикнул напоследок торгош и снова подстегнул лошадь.

Животина пошла шибче.

Унтер ничего не ответил. Перед глазами как наяву все стоял и стоял этот загадочный серебряный шар. Даже смерть министра не так взволновала унтера, как это необычайное явление. Но что же это? Чертовщина какая-то? Или Божий знак? А может, знамение? Так или иначе, Дубинкин до конца жизни будет помнить об этой дьявольщине. Если конечно прожи-

вет эту жизнь, жизнь хорошую, долгую. Да чтобы он еще раз согласился присутствовать на казни или похоронах жмуриков такого разряда – да ни за что на свете! Нет, нет и еще раз нет! И пусть за неповиновение сошлют в Сибирь или на Кавказ. Пусть отходят шпицрутенами по спине, пусть прогонят сквозь строй! Любое наказание приемлет. Пусть! Но не будет Дубинкин участвовать в таких делах, не будет! И все тут! Хоть режь его!

Дубинкин с благоговейным страхом посмотрел на небо.

«Не к добру сей шар! Предзнаменование, что ли? Неужто сызнова какой-нибудь Наполеон Бонапарт объявится? Тогда перед началом войны люди огненную комету в небе видели. То было настоящее знамение. И оно же сбылось! И шар оный – тоже знамение? Пожалуй, так. Представляю, каково будет тем казачкам служивым, что остались у страшной могилы. Вот страху натерпятся! Я бы ни за что там не остался – хоть стреляй! И так побелел как снег. Хватит с меня чудес чудных!»

Надо на время забыть, избавиться от этих ужасных впечатлений – иначе с ума можно сойти. Придя домой, квартальный надзиратель сразу же достал штоф с водкой. Выпив стакана три, Дубинкин упал на кровать и моментально отключился.

А у безымянной могилы декабристов на острове Голодай еще четыре месяца стоял караул. А пока стоял, мистические явления продолжались. Пару раз появлялся серебряный шар, раза три – призрак в военном мундире, а однажды воющий бестелесный дух. За это время от увиденного двое солдат точно с ума сошли, трое поселились навсегда, остальные пережили сильнейший эмоциональный стресс, который потом лечили ударной дозой спиртного. И когда похоронный пикет оттуда сняли, солдаты караульной службы вздохнули с огромным облегчением.

А что потом на этом месте происходило, уже никто не видел. И никто не мог поведать об этом. Лишь только небо, солнце и река, как вечные и немые свидетели всех без исключения исторических событий, происходящих на Земле, могли поведать, но не хотели. Природа умеет хранить чужие тайны, умеет и скрывать следы человеческих преступлений. Пройдет время – и она с помощью ветра, дождя и песка сравняет безымянную могилу с землей и навсегда скроет от человечества ее точное местонахождение.

Глава 1

Конец лета в Енисейской губернии выдался на редкость дождливым и холодным. Вот и сегодня, 13-го августа 1831 года, в уездном городе Белояре к вечеру поднялся порывистый ветер, налетели свинцовые тучи, гроыхнул раскатистый гром, серебристые молнии кривыми клинками разрезали непроницаемую темень – и над избами пронесся косой и шумный ливень.

Ближе к ночи дождь сбавил свой натиск и нудно забарабанил. По крышам, по крылечкам, по ставням, по окнам. Батюшка-Енисей, осыпaeмый дождевой дробью, рокотал и катился вдоль черных утесов, играя, как малое дитя, вихрастыми волнами...

Бывший казачий острог, убаюканный монотонным дождем, плавно растворился в мирном покойном сне. В изголовье город бросил антрацитовое небо, вместо перины – мягкую песчаную площадь, а вместо одеяла – ночной покров. Глаза-ставни, бесчисленные и разноцветные, прикрыл до самого рассвета. Город заснул сном праведника...

В одном из бревенчатых домов, что находился на краю города, бодрствовал постоялец. Он сидел за круглым столом в комнате, служившей ему одновременно кухней, обеденным залом и гостиной, и что-то увлеченно сочинял. В соседней комнате спали жена и полугодовалый сын. Свеча на столе догорала. В доме царила мирная тишина, был слышен лишь торопливый скрип гусяного пера и шелест бумаги.

«Хватит заговоров! Хватит тайных союзов! Достаточно уже пролито крови! Не надо больше загубленных жизней! И сломанных судеб тоже не надо! Пришло время созидать! Пора браться за реформы и воспитывать общественную мысль! Революцией ничего не изменишь, только навредишь...»

От прилива вдохновения сердце возбужденно стучало. Перо размашистым почерком стремилось донести до читателя вскрывшийся порыв мыслей, чувств и воспоминаний.

«В оное время, меж многочисленных тайных союзов и уний существовала еще одна организация вольнодумцев. Она была строго засекречена и являлась самой мощной среди всех обществ революционного толка. Мощнее даже, чем Северное и Южное общества. А возглавлял ее генерал-губернатор М. А. Милорадович. В нее входили его личный адъютант А. П. Башуцкий, а также всеми известный...»

Залаляли собаки. Ссылный закончил предложение, поднял голову, прислушался. Но вскоре собачий лай прекратился, и ссылный вновь склонился над рукописью... Окунул кончик пера в чернильницу, отряхнул и быстро вывел на бумаге новое предложение: «Именно сия персона после трагической кончины графа Милорадовича взяла на себя руководство оным Союзом...»

Скрипнула дверь. Послышались чьи-то шаги. Перо в руке застыло...

– Фекла?.. – не повернув головы, спросил декабрист.

Ответа не последовало. Значит, это не служанка. А кто? Ссылный недоуменно оглянулся... Вместо служанки в комнату вошел неизвестный мужчина в крестьянской одежде. Его лицо скрывали поднятый воротник и надвинутый на лоб картуз. Ссылный, бывалый вояка, не оробел и нарочито грозно спросил:

– Кто вы, любезный? И что вам здесь надо?..

Незнакомец ничего не ответил. Вдруг декабрист удивленно поднял кустистые брови. Он, кажется, узнал таинственного гостя.

– В такой час?.. Да что за надобность, извольте спроси...

Ссылный не успел договорить. В руках крестьянина блеснул нож – и острое лезвие вонзилось в шею. Кровь брызнула горячей струей. Убийца выдернул нож и для верности ударил жертву со всей силы в бок. Ссылный охнул и с шумом повалился на пол. Душегуб хотел было вытащить нож, но лезвие прочно засело в теле.

– Черт, – тихо выругался неизвестный.

– Михаил?.. – послышался встревоженный женский голос.

Это от шума проснулась жена ссыльного. Она не успела ничего понять – убийца подскокил к ней и стал душиить. Жертва попыталась освободиться от цепких рук, но тщетно...

Кажется, все. Она не дышит...

Убедившись, что женщина мертва, преступник снял с ее безымянного пальца обручальное кольцо. Покрутил украшение в руке, полюбовался и сунул в карман. У ссыльного тоже забрал кольцо, вернее, содрал. С трудом, чуть ли не с кожей. Рукопись преступник тоже не обошел своим вниманием: схватил ее со стола, пробежался глазами по страницам, удовлетворительно хмыкнул и сунул за пазуху. Пошарил глазами по комнате... Чем бы еще поживиться?

Ага, кажется, нашел...

Под кроватью виден деревянный сундук с большим навесным замком. Надо проверить. А ну-ка!..

Преступник с трудом вытащил его из-под кровати. Нашел под подушкой ключ, открыл сундук и пошарил внутри...

Есть!

Убийца набил добычей карманы и снова осмотрелся. Подошел к люльке, где безмятежно спал младенец, взглянул на него и на минуту задумался. Постоял, постоял и вышел из дома. Бросил мимолетный взгляд на приоткрытую дверь во времянку: там лежали зарубленные топором служанка и ее муж. Во дворе валялись отравленные собаки. Преступник удовлетворенно хмыкнул: Степан не подкачал!

Убийца притворил калитку, оглянулся по сторонам и нырнул в начинающийся прямо за забором сосновый подлесок. Там его уже поджидал подельник. Рябое лицо, мощный подбородок, косая сажень в плечах. На лбу выжжена буква «В», а на щеках – буквы «О» и «Р». Степан держал за поводья пару гнедых коней. За спиной – охотничий карабин, а за поясом торчал топор. Увидев главаря, каторжник радостно осклабился:

– Ну, так как? Все прошло гладко?

– Само собой, Степан. Гляди-ка, да у тебя вся одежда в крови.

– Да и у вас тоже кровь на рукаве.

– Ничего, почистим.

– Знамо дело, нужно двигать... Добыча-то, чай, добрая, а?

– Добрая.

Злоумышленники, сев на лошадей, направились вдоль реки. Дождь припустил еще сильнее. Стихия постепенно уничтожала свидетельства злодеяния. Отъехав версту, убийца остановил коня и огляделся... Подельник натянул удила и вопросительно взглянул на него.

– Что-то, Степан, пить хочется, – сказал главарь.

– После дела, понятно, жажда мучит, – закивал головой подручный.

Всадники спешили...

Внимательно осматривая каменистый берег, главарь подошел к темной реке. Оглянулся – его подельник осматривал коней. Убийца незаметно взял увесистый камень и спрятал за спину. Подошел к Степану, изловчился...

– Однакож, дождь, кажись, кончае... – тот не успел договорить фразу, как главарь резко и точно ударил его камнем в висок.

Мужик вскрикнул, пошатнулся и, словно могучее дерево, сраженное молнией, рухнул замертво...

Главарь забросил далеко в воду карабин, топорик, торбу, схватил остывающее тело под мышки и поволок к Енисею. Каждый шаг давался с трудом. Вот еще одна сажень, другая... Вот и край реки. Преступник чуть не упал. Чертыхнувшись, отер ладонью пот со лба и с висков...

– Ну, боров, тяжелый, зараза... Уф...

Едва вода стала по пояс, главарь пустил труп вниз по течению.

– Плыви, дурень, плыви, – недобро усмехнулся он.

Бурная река, подхватив недвижимое тело, быстро сплавила его до ближайшего водоворота. Будто легкое бревнышко. И могучая пенистая воронка, черная и страшная, напоминающая собой гигантскую беззубую пасть, с чудовищной силой впиалась в мертвеца и, закрутившись стремительным волчком, утащила на самую глубину черной бездны. Душегуб переоделся в чистую одежду, а старую, запачканную кровью, набив речной галькой и завязав крепким узлом, закинул далеко в воду.

– Свобода и процветание, – сказал убийца и сел на коня. Взяв под уздцы другого, лихо поскакал в сторону города.

А капли дождя усердно били по окровавленным камням, смешивая кровь с песком и грязью, уничтожая последние улики человеческого вероломства.

Кап, кап, кап, кап...

Всадник постепенно растворился в темноте.

* * *

В Москве заканчивалось бабье лето...

День выдался ясным и безоблачным. Но тучи все равно присутствовали. Пасмурные, тяжелые, непроницаемые. Правда, не на небе, а на челе генерал-майора Василия Боташева. У него было дурное настроение, и выражение «мрачнее тучи» как нельзя лучше подходило для его душевного состояния. Боташев неторопливо мерил шагами свой кабинет и о чем-то напряженно думал. Вот он подошел к распахнутому окну и выглянул на Петровку... Быть может, уличная панорама отвлечет от мрачных дум?

Как всегда после полудня на Петровке царило оживление. В спешащей по своим делам толпе то и дело мелькали скромные картузы, разноцветные шляпки и капоры барышень, строгие черные цилиндры господ, разномастные фуражки и кивера военных.

То и дело раздавался цокот лошадиных копыт, гремели по мостовой неповоротливые крестьянские телеги и водовозки с огромными деревянными бочками, с грохотом, гиканьем и свистом проносились коляски лихих извозчиков и возки разудалых купцов, плавно, тихо стуча, проплывали рессорные экипажи состоятельных господ. За ними иногда бежали чумазые мальчишки и своры бродячих собак.

Сумрачный Боташев тяжело вздохнул и отошел от окна. Жизнь идет своим чередом, и никому нет дела до его переживаний. Месяц назад он покинул свою дивизию в Тульчине и приехал в Москву в отпуск. Но вот из далекой Сибири пришло ужасное известие: его горячо любимого брата Михаила и его жену убили беглые каторжники. Слава Богу, ребенка не тронули. Душегубов ищут, но они словно испарились куда-то. Да и где их найдешь, если сибирская тайга непомерно велика, там не только добрая тысяча людей может затеряться, а целые страны, подобные Испании и Франции вместе взятым.

Матушка, батюшка, сестры – все они безутешны от великого горя. Василий успокаивал родных как мог, но разве можно было их утешить! Не дай бог что-то с ним самим случится, они же не переживут...

От этой мысли генералу стало не по себе. Он поехал. Осторожным тихим шагом в комнату вошел камердинер. Вежливо произнес:

– Барин, завтрак готов-с, пожалуйста-с к столу. Барыня ждет-с.

Генерал кивнул. Подавленный и сумрачный он спустился в зал. Там, за накрытым столом, сидели его жена и две дочери. Далее последовал традиционный обмен приветствиями.

Поцелуй в щечку. Чмок, чмок, чмок... Генерал немного просветлел: дети всегда утешают.

За столом прислуживали три лакея под присмотром дворецкого. Генералу поднесли омлет с ветчиной. Боташев отрезал ножом кусочек, подцепил вилкой, вяло пожевал: аппетита что-то не было. В последнее время резко ухудшилось здоровье. Он положил приборы на тарелку и отодвинул ее. Это означало, что обед он закончил. Генеральша, заметив этот жест, всерьез обеспокоилась:

– Дорогой, отчего ты не ешь? Заболел? Или, может, невкусно приготовили?

– Что ты, матушка, право не стоит обо мне так беспокоиться. Блюдо приготовлено превосходно, просто аппетита нет. Да-с... Я, пожалуй, поднимусь в кабинет, а вы кушайте, кушайте на здоровье. Да, вот что... Скажи Маше, пусть принесет мне горячий чай, а листья для заварки пусть непременно возьмет из желтой коробки, той, что я привез из похода. Распорядись приготовить, Натали, не забудь.

– Хорошо, дорогой. Непременно.

Генерал поднялся в свой кабинет.

Вскоре в кабинет впорхнула принятая две недели назад огненно-рыжая горничная по имени Маша. Молоденькая, милая, аккуратная, и... очень соблазнительная. Вид ее красивой волнующей груди и потрясающего зада вызывал у Боташева нескромные желания. Переживания переживаниями, а организм требовал свое. Генерал уже давно не спал со своей раздобревшей женой. Дабы не утратить мужскую силу, он развлекался с горничными.

Ему прислуживала миловидная девица Глафира, покорная, безотказная... Жаль, что Глаша уехала в деревню на похороны своего отца, затем неожиданно слегла, и пришлось временно взять новую служанку – Машу. Эта девица явно обещала райское наслаждение: упруга телом, ненасытна, свежа, да и пригожее Глаши. Иногда генерал оглаживал ее, как сноровистую молодую кобылку, шутливо прижимал к себе, тискал, щипал. Маша же, принимая игру, не особо сопротивлялась, но и не торопилась расстаться с честью.

Горничная ласково проворковала:

– Попейте чая, Василий Николаевич.

– Спасибо, Машенька.

Генерал привычно ущипнул горничную. Служанка деланно засмушалась.

– Ой, что вы делаете, Василий Николаевич? А что ежели ваша жена увидит сие безобразие, мне, поди, тогда доподлинно несдобровать.

– Не бойся, Машенька, не увидит. Подойди поближе...

– Ой, я пойду, хорошо, барин? У меня поручений много, да и барыня зачем-то звала.

– Верно обманываешь меня, плутовка? Никаких поручений у тебя и в помине нет, да и барыня вряд ли звала. Да, ладно, ступай, ангел мой. После поболтаем, после.

Маша, стрельнув глазками и вильнув своим восхитительным задом, упорхнула из комнаты.

Настроение у генерала немного улучшилось. Боташев взял щипчиками кусочек сахара и положил в дымящийся густой чай. Размешал его серебряной ложечкой и сделал пару осторожных глотков. Несладко. Добавил еще кусочек сахара.

Попробовал.

Теперь в самый раз!

Чай генерал любил пить сладкий, крепкий и горячий. Не остужал на блюде, как его жена или дочери, а пил прямо из чашки. Что подделаешь: привычка походной жизни. А какой аромат от заморского напитка! Еще пара осторожных глотков. Какое блаженство!..

Неожиданно генерал почувствовал себя плохо. Его резко затошнило, в глазах потемнело. Он присел на диван, с трудом дотянулся до колокольчика и позвонил. Тут же примчалась Маша. Она сразу заметила, что с хозяином творится что-то неладное.

– Что с вами, барин?

Резко побледневший Боташев прошептал:

– Машенька, пошлите за доктором, да поскорее. Что-то плохо мне стало. Сдавило сердце. Трудно дышать.

– Сию минуту, барин!

– И позо... ви... Ната... лью... Сергеевну...

– Хорошо, барин! Я щас!..

Горничная убежала. Вскоре в кабинет влетела перепуганная генеральша, за ней дочери и многочисленная челядь.

– Василий, что с тобой?! – в ужасе закричала Наталья Сергеевна.

– Сердце! Задыхаюсь... Больно мне...

Наталья Сергеевна засуетилась подле супруга. Но все напрасно. Боташев уже закатывал глаза...

– Василий!!! Не умирай! – заголосила генеральша. – О господи! Помогите кто-нибудь! Помогите!..

Прибывший вскоре врач лишь констатировал смерть генерала от сердечного удара. А рано утром обнаружили, что куда-то исчезла горничная Маша. Никто из прислуги не знал, где она и что с ней. Все недоумевали. Сбежала, что ли? В кабинете генерала кто-то взломал ящик стола и полностью его опустошил. Но что именно оттуда взяли, никто не знал, даже генеральша. Этот ящик Боташев запирает, а ключ всегда носил с собой. Он никому его не доверял. Все это настораживало и вызывало подозрение. И вдова решила вызвать полицию...

* * *

Горничная Маша, а в действительности – Анастасия Буковская, авантюристка и шпионка польских кровей, никуда не исчезала. И не могла исчезнуть. Она попросту ушла. Вежливо, тихо, не прощаясь, взломав секретный генеральский ящик и прихватив с собой его содержимое. Переждав некоторое время в квартире аптекаря, она переоделась в роскошное платье, с рассветом взяла извозчика и отправилась в условленное место у стены Китай-города.

Буковская отпустила извозчика и оглянулась по сторонам... В руках у нее была белая коробка из-под шляпки. Вроде слежки нет, посторонних и подозрительных лиц поблизости тоже не наблюдается.

Мужчина, приветливо улыбаясь, двинулся Буковской навстречу.

– Рад вас видеть, мадмуазель, поверьте, очень рад.

Он почтительно склонился перед Анастасией и поцеловал ей руку.

– Я тоже, милостивый государь, – с вежливой улыбкой ответила Буковская.

– И как наши успехи, мадмуазель?

– Я все сделала, как вы велели. С генералом покончено, драгоценности, деньги, а также бумаги изъяты. Сколько это мне стоило, только Бог знает. Для начала я испортила свои чудные волосы персидской хной, – она демонстративно потрепала свои кирпичные пряди. – Вот видите?..

Мужчина кивнул, усмехаясь.

– ...Затем мне постоянно приходилось изображать простушку, говорить деревенские словечки, что очень трудно для моей утонченной особы. Хорошо, что у меня великолепный русский, и почти не заметен акцент. Я изъяснялась как простолюдинка весьма недурно. И на мое счастье генерал не узнал меня. Ведь он однажды видел меня в кабинете Диктатора, но видимо не запомнил. Святая Мария, что мне пришлось вытерпеть за все это время! Генерал приставал ко мне постоянно, еще немного, и он бы меня приглубил в своем кабинете, вряд ли я смогла бы противиться сильному мужчине, да еще барину.

– Мимо вас равнодушно не пройдет ни один мужчина, поверьте мне. Вы всегда очаровательны и соблазнительны, даже в крестьянском сарафане или в наряде монашки. Один только ваш чародейственный взгляд растапливает самый толстый лед мужской неприступности...

Буковская польщенно улыбнулась.

– Ах, сударь. Какие комплименты, право, какие реверансы... Я сию минуту растаю от них.

Наперсник Диктатора улыбнулся ей в ответ.

– Помилуйте, но это правда, Анастасия. Оттого Союз и поручает вам самых несговорчивых господ. А за сложность поручения мы хорошо доплачиваем. Причем всегда. И вы это, сударыня, прекрасно знаете...

Буковская кивнула.

– ...Диктатор вами весьма доволен, Анастасия.

– Мерси.

Она протянула ему коробку.

– Тяжеленькая, – констатировал он. – И как вы ее несли, Анастасия, ведь вы такая хрупкая и воздушная?

– Своя ноша не тянет. Так вы, русские, говорите?

– Так...

Буковская развязала алую ленту, скреплявшую коробку, и сняла крышку. Там была шкатулка, пачки ассигнаций и какие-то бумаги. Заговорщики оглянулись по сторонам – вроде ничего подозрительного. Мужчина достал шкатулку и открыл – глаза его озаарились восхищенным блеском.

– Вот они, те самые бриллианты, которые послужат нашей великой цели. Красивые, правда, Анастасия?

– Роскошные... Я бы, право, не отказалась от парочки таких камешков.

– Со временем вы их получите. Бумаги все взяли, сударыня?

– Да, все те, что были в тайнике.

– Спасибо, мадмуазель, вы неплохо справились с заданием.

Тайный цербер положил шкатулку на место.

– Закрывайте, сударыня.

Буковская накрыла коробку крышкой и завязала.

Собеседник протянул ей небольшой сверток.

– Это вам, Анастасия. Оговоренные деньги и пара изумительных золотых сережек. Так сказать, ваша награда за труд плюс за моральные мучения. Пожалуйста сегодня экстренно в Париж, там отсидитесь, а после вернетесь в Россию. Через месяц или полтора. А может быть, и раньше намеченного срока. Скоро, скоро наступит пора решающих сражений.

– Хорошо, господин Максимилиан. Я буду ждать дальнейших указаний.

– До скорой встречи, Анастасия! Вас ждет экипаж с нашими людьми.

– Свобода и процветание!

– Свобода и процветание!

...Смерть генерала вызвала много пересудов и толков в высшем свете Москвы и Петербурга, но в основном мнения сводились к одному: Боташев умер от сердечного приступа.

Давнишний друг братьев Боташевых и несостоявшийся их зять, капитан лейб-гвардии Московского полка Александр Голевский, узнал о смерти Василия поздно: того уже отпели и похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря. Александр еще не успел отойти от переживаний по поводу трагической смерти младшего Боташева. С Михаилом он служил в одном полку, дрался бок о бок при Бородино. Их обоих тогда наградили орденом Анны 4 степени и золотой шпагой за храбрость. И вот теперь обоих братьев нет в живых...

Расстроенный печальными известиями капитан взял увольнительную из полка, поутру велел кучеру Фролу закладывать лошадей и, взяв с собой еще слугу Игната, поспешил в Москву, чтобы выразить соболезнования родителям братьев Боташевых. Хотя решение ехать в Белокаменную далось Александру Дмитриевичу отнюдь не легко. Существовали некоторые обстоятельства, из-за которых он долгое время избегал встреч с этим семейством.

* * *

До Златоглавой Голевский добрался без особых приключений. Проехав Красные ворота, Покровку и Маросейку, коляска капитана свернула на улицу Солянка. Впереди замаячило здание Опекунского совета...

А это мостик через реку Язу. Здесь они целовались с Верой Боташевой, ныне – графиней Переверзевой.

Немного в горку – и вот оно, родовое гнездо князей Боташевых. За чугунными ажурными решетками и высокими воротами громадный двор. Посреди него – величавый и огромный особняк с мощными мраморными колоннами и красивым фронтоном. На каменных опорах ворот застыли свирепые бронзовые львы. На самом здании – красивая лепнина, барельефы, декоративные изыски, балкончики, статуи. Перед домом тихо журчал фонтан, были разбиты клумбы. Дворец-великан Боташевых гордо и надменно возвышался над двухэтажными домами-карликами, принадлежавшими другим московским вельможам. В 1812 году, когда французы захватили Москву, в этом доме поселился неаполитанский король и любимчик Наполеона маршал Мюрат. Поэтому дом не особо пострадал, как множество других московских построек, хотя при отступлении французы много что разграбили и утащили.

В этот дом Голевский был когда-то вхож, часто обедал, проводил вечера. Здесь жили его душевные друзья – братья Боташевы. А также его невеста – Вера Боташева, дочь князя и сестра однополчан. Красивая, статная, милая, остроумная, образованная... Голевский любил с Верой бродить по берегу Язуг. Тайно шептались, ворковали, слушали чудесный перезвон колоколов... Жаркие поцелуи сводили влюбленных с ума, они уже думали о свадьбе. Но он стал заговорщиком. «Союз Спасения», «Союз Благоденствия», «Северное общество»... А там арест, Главная гауптвахта, Петропавловская крепость, Алексеевский рavelин...

Напрасно он ожидал, сидя в сыром каземате, какого-нибудь известия от любимой, какой-нибудь записки, клочка бумаги, слова, фразы. Поддержки. Вера отреклась от него. Капитан уперся в стену глухого и упорного молчания. А эта стена казалась намного страшнее, чем стена каземата. Позднее от ее брата Василия он узнал все. Вера полагала, что ее жених полностью потерян для приличного общества, а она мечтала о блестящем будущем. Тем более они не были даже помолвлены. К тому же она еще молода, красива, богата. По ее словам, Голевский был лишь мимолетным увлечением, да и только.

Предательство Веры стало для капитана сильнейшим ударом. Казалось, что смерть на виселице – это лучшее средство от душевных и физических страданий, но монарх его пощадил. Его принадлежность к тайным обществам в ходе следствия не подтвердилась. Никто из товарищей его не предавал, бумаг, где бы он фигурировал в качестве заговорщика, не отысклось, свидетелей его преступной деятельности также не нашлось, и Голевский был высочайшей милостью оправдан. Деяния старшего Боташева тоже высочайше было повелено оставить без внимания, а вот младшего осудили по 7 разряду, дали четыре года каторги. Сначала сопроводили в Читинский острог, а затем перевели на поселение в Белояр. Вера спешно вышла замуж за богача и кутилу графа Переверзева. Этим самым она поставила окончательную точку в отношениях с Голевским. С тех пор Александр прекратил посещать княжеский особняк, реже стал встречаться с Василием Боташевым, стал избегать тех светских вечеров, где бы, по его сведе-

ниям, должна была присутствовать Вера. Ничто не должно было в ту пору напоминать Голевскому о бывшей возлюбленной. Он старался забыть ее, хотя это было нелегко.

Однажды в Петербурге состоялась мимолетная встреча Голевского с Василием Боташевым. Генерал-то и рассказал другу, что сестра несчастлива в браке и часто вспоминает о Голевском. Она даже и настоятельно просила брата при случае разыскать Александра Дмитриевича и пригласить бывшего жениха к ней в гости. После этой встречи на капитана напала сильнейшая хандра, от которой он очень долго отходил. Он не внял приглашению, хотя порой подмывало съездить к Вере и хоть одним глазком посмотреть на нее. Потом Голевский на время отвлекся от сердечной раны, поучаствовав в русско-персидской войне и русско-турецкой. Александру Дмитриевичу светил чин подполковника (в гвардии не существовало звания «майор»), но бумаги с просьбой о производстве затерялись где-то в канцелярии штаба армии. Видимо, в Зимнем дворце посчитали, что бывшему заговорщику пока еще рано надевать полковничьи эполеты, пусть отличится еще разочек, а там их сиятельства решат, давать Голевскому очередной чин или нет.

...И вот предстоит встреча с семейством Боташевых. Спустя шесть лет. Да и она могла бы и не состояться, не случись череда трагических смертей в княжеской фамилии.

...Наконец слуги открыли ворота, и Голевский въехал во двор. Там уже стояла карета с гербом графа Переверзева. Выходит, Вера здесь? Любопытно, она приехала одна или с мужем?..

Капитан, войдя в парадную, отдал кивер, перчатки и саблю услужливому швейцару.

– Доложи-ка, любезный, князю, что прибыл капитан Голевский.

– Слушаюсь, барин.

– Да поживее, голубчик.

Швейцар исчез...

Голевский посмотрелся в огромное зеркало, поправил воротник, галстук, мундир, пригладил черные как смоль волосы, потрепал расческой бакенбарды. Остался доволен увиденной картиной. Он – мужчина в самом расцвете сил. Всего лишь тридцать шесть лет. Мужественное лицо, волевой подбородок, серые бесстрашные глаза, безупречная офицерская выправка.

Александр Дмитриевич четким, уверенным шагом вошел в роскошную гостиную и окинул ее взглядом... Почти ничего не изменилось с тех пор. Все та же огромная зала, дорогая мебель из красного дерева, персидские ковры, зеркала в позолоченных рамах, статуэтки, парадные картины известных живописцев. Только бархатные портьеры теперь стали другого цвета – красного, тогда они были темно-зеленые.

Волнение охватило капитана с новой силой: ведь скоро он увидит Веру!

Край портьеры колыхнулся. Вот появилась бледная женская ручка... А вот и ее обладательница собственной персоной. В строгом черном платье, печально улыбающаяся, бледная.

Гвардеец вздрогнул – это была Вера!

Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди от внезапно нахлынувших чувств. Оно так учащенно забилось, забилось, но... потрепыхавшись, начало помаленьку успокаиваться... Первоначальное волнение уступило место легкой досаде и нарастающему разочарованию.

Да, Вера сильно изменилась, но, увы, не в лучшую сторону. Истаяла, поблекла, осунулась. Лицо худое, глаза заплаканные, под глазами – темные круги. Явно смерть братьев вкупе с несчастным браком отразилась на ее здоровье и внешности. Что и говорить, потеряла Вера свое былое очарование. А какой она раньше была красавицей!

Вера сделала шаг вперед. Ее первым порывом было бурно разрыдаться, но заметив холодность и сухость гостя, Вера сдержалась. Правда, крупная слеза все же скатилась по ее бледной щеке. Голевский сдержано поцеловал Вере ручку.

– Вот мы и свиделись, любезная княжна, о, пардон, графиня. Через почти шесть долгих и непростых лет.

– Да, свиделись, Александр Дмитриевич, и то благодаря печальным обстоятельствам, – Вера говорила тихим, подавленным голосом. – Я, поверьте, весьма рада, что вы приехали к нам. Как вы поживаете? Не женились еще?

– Служу пока. Дела идут прекрасно. А жениться после того случая я весьма опасуюсь. Зачем мне новые сердечные раны.

Вера опустила глаза и покраснела. Намек на «тот случай» она прекрасно поняла. Это был упрек, но она его заслужила.

Голевский, пользуясь тем, что Вера сконфузилась, принялся внимательнее разглядывать ее. Он пытался отыскать в ее чертах, фигуре, движениях что-то знакомое, родное – все то, что когда-то привлекало его и заставляло терять голову. Искал, искал... но, увы, никак не находил. Пытался извлечь из глубин души бывшие чувства к ней, но, увы, из этой затеи тоже ничего не вышло. Вот беда так беда: не за что было даже зацепиться. Вот так проходит первая любовь.

– Сашенька!.. – в гостиной появился, хромая, князь Боташев.

Старик Боташев явно сдал. Исхудал, тяжело дышит, болезненный вид. Всклоченные седые волосы, взор потухший, лицо пожелтевшее, испещренное множеством морщин. Лихой вояка, ученик великого Суворова уже не тот, каким был прежде. Годы и переживания берут свое. Неотвратимо, бесповоротно.

Князь положил руку на плечо Голевскому и опустил голову. Слезы закапали из глаз – и у Голевского комок подступил к горлу. Плачущим голосом князь заговорил:

– Сашенька, я рад, что вы приехали. Вы знаете, какое горе нас постигло... Не стало моих любимых Мишеньки и Васеньки.

– Примите мои соболезнования, любезный Николай Николаевич.

– Спасибо за слова утешения.

– И вы, Вера Николаевна, примите мои соболезнования.

– Спасибо, – еле слышно сказала она.

– Простите, что не смог приехать на похороны: служба-с.

– Ах, право, не стоит. Не казните себя, Сашенька. Не смогли так не смогли. Вы – военный человек и подчиняетесь приказам. Если уж вас не отпустили тогда из полка, значит, на то были веские причины. Уж я-то, отставной офицер, это прекрасно знаю.

– Да, это так. Я что-то не вижу княгини Анны Михайловны. Что с ней? Она больна?

Князь тяжело вздохнул.

– Да, любезный Сашенька. После ужасного известия о смерти Михаила она слегла в постель, а после того как узнала о смерти Васи, чуть не хватил удар, еле вернули с того света. Вот так-с. Правда, разбил паралич всю левую половину тела. Не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

– О, это ужасно! Как я вам сочувствую!

– Папа!..

В гостиную впорхнула юная красавица в модном платье и шляпке. Запыхавшаяся, разгоряченная. Щеки пунцовые то ли от смущения, то ли от быстрого бега. Белокурые локоны разметались по мраморным плечам. Высокая грудь, гибкий, стройный стан, тонкая талия, совершенные формы превосходных, манящих бедер. А походка! Грациозная, легкая, волнующая, но в то же время полная благородного достоинства.

Голевский восторженно вскрикнул...

«Кто эта писаная красавица?! Неужели Даша?!.. Боже мой! Вот так сюрприз так сюрприз! Невероятно! Но как она изменилась! Он помнил ее белокурой девчушкой, вечно путающейся под ногами, в ту пору, когда он ухаживал за ее сестрой. Но теперь она совершенно взрослая. И... невероятно красивая! Вот так неожиданность!»

Дарья сразу же затмила сестру. Голевский вмиг забыл о бывшей возлюбленной и с восхищением уставился на сияющую девушку. Он явно испытал глубокое потрясение, граничившее

с немym восторгом. Вера, заметив это, закусила губу от досады, ревниво нахмурилась. Ей было неприятно повышенное внимание гостя к сестре и полное невнимание к ней. Былые чувства к капитану неожиданно стали воскресать в ее сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.